

18+

Альтер М.

Цена

экзорцизма

Альтер М.

Цена экзорцизма

«Издательские решения»

Альтер М.

Цена экзорцизма / Альтер М. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-699907-7

Молодой священник, отец Антоний, берётся за экзорцизм одержимого мальчика. Ценой невероятных усилий он побеждает демона, но сам оказывается заражён его тенью. Противостояние превращается в битву за его собственную душу, где старые демоны и родовые проклятия — лишь часть ужасающей мозаики. Путь к спасению лежит через самое тёмное место — его собственную веру.

ISBN 978-5-00-699907-7

© Альтер М.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая: Тень в детской	6
Глава вторая: Перед ликом бездны	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Цена экзорцизма

Альтер М.

© Альтер М., 2026

ISBN 978-5-0069-9907-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая: Тень в детской

Серая мгла ноябрьского утра за окном автомобиля казалась воплощением того мрака, что поселился в душе отца Антония. Дождь, то мелкий и назойливый, то переходящий в тяжелые, шлепающие по лобовому стеклу капли, не прекращался с самого выезда из города. Он застилал мир грязной пеленой, превращая знакомую дорогу в череду размытых пятен: унылые поля, оголенные леса, изредка промелькнет темный силуэт покосившегося сарая или одинокого дерева.

Антоний с усилием поймал себя на том, что его пальцы судорожно сжимают руль, костяшки побелели. Он разжал хватку, провел ладонью по лицу, ощущая шершавую кожу щек и усталость, ввевшуюся глубоко в кости. Не спал он полноценно уже несколько недель. Не из-за работы или забот — приход в захолустном районе города был тихим, паства немногочисленной и в основном пожилой. Бессонница приходила изнутри, из той тихой пустоты, что разрослась в нем после смерти отца Василия.

Отец Василий был его наставником, тем, кто привел его в семинарию, тем, кто верил в него, когда он сам в себе сомневался. А сомневался он часто. И теперь, остаться одному в старом приходском доме, с его скрипучими половицами и вечным запахом ладана и старой бумаги, было невыносимо тяжело. Эта поездка, это странное, тревожное приглашение — был ли он бегством? Или попыткой доказать самому себе, что его вера — не просто набор заученных ритуалов, а живая, действенная сила?

Мысли его прервал резкий визг дворников, сметающих с стекла новую порцию воды. Он свернул с асфальтовой трассы на грунтовую дорогу, ведущую, согласно указаниям навигатора, к усадьбе Зайцевых. Машина закрипела, подпрыгивая на колдобинах. По обе стороны дороги стеной стоял старый, по-осеннему угрюмый ельник. Ветви, темные и мокрые, низко нависали над колеей, словно пытаясь преградить путь.

Само название «усадьба» оказалось на удивление точным. Не просто дача или загородный дом, а именно усадьба, двухэтажное каменное здание дореволюционной постройки, выполненное в стиле, балансирующем между модерном и готикой. Оно возникло в просвете между деревьями внезапно, как мираж. Темный, местами облупленный камень, стрельчатые окна первого этажа, массивная дубовая дверь, почерневшая от времени и непогоды. Дом дышал холодом и заброшенностью, хотя, судя по машине у ворот и аккуратным клумбам, кто-то пытался поддерживать в нем жизнь.

Антоний заглушил двигатель и несколько секунд сидел в наступившей тишине, прислушиваясь к стуку дождя по крыше. Он перекрестился, шепча короткую молитву, и вышел из машины. Холодный влажный воздух обжег легкие. Он накинул на плечи темное пальто поверх своей обычной черной одежды и направился к двери.

Ему не пришлось звонить. Дверь открылась еще до того, как он поднялся на крыльцо. На пороге стояла женщина. Лет тридцати пяти, но выглядела она старше. Бледное, исхудавшее лицо, под глазами — темные, почти фиолетовые тени. Русые волосы были небрежно собраны в хвост, а в широко распахнутых глазах читалась смесь надежды и животного ужаса.

— Отец Антоний? — ее голос дрогнул. — Я Ольга Зайцева. Мы вас ждали. Спасибо, что приехали.

Она отступила назад, впуская его в дом.

Прихожая была просторной и высокой, с темным дубовым паркетом и лепниной на потолке, которую паутиной трещин покрыли время и сырость. Воздух был тяжелым, пахло старым деревом, воском и чем-то еще... едва уловимым, кисловатым, словно прокисшее молоко. Несмотря на камин, топившийся в дальнем конце зала, в доме стоял пронизывающий холод, тот, что идет не с улицы, а будто сочится из самих стен.

— Муж, Алексей, на работе, — торопливо говорила Ольга, помогая Антонию снять пальто. Ее руки заметно дрожали. — Он... он не совсем верит в это. Считает, что у Миши... психологические проблемы. Что нам нужен не священник, а хороший психиатр.

— А что вы сами думаете, Ольга? — мягко спросил Антоний, глядя на нее прямо.

Женщина отвела взгляд, ее пальцы бессознательно теребили край свитера.

— Я не знаю, батюшка. Раньше тоже думала так. Водили его по врачам. Говорят: невроз, испуг, подростковые изменения. Прописывают таблетки. Но ничего не помогает. Становится только... хуже. — Она подняла на него глаза, и в них стояли слезы. — То, что происходит... это не болезнь. Я чувствую. Материнским сердцем чувствую.

— Расскажите мне, — попросил Антоний. — С самого начала.

Они прошли в гостиную. Комната была обставлена дорогой, но безвкусной мебелью, на стенах — безликие пейзажи. Ольга села на краешек дивана, сгорбившись, словно под невидимой тяжестью.

— Все началось месяца три назад. С мелочей. Миша — ему одиннадцать — стал замкнутым, раздражительным. Перестал общаться с друзьями. Мы списали на переходный возраст. Потом... потом появились ночные кошмары. Он кричал по ночам, просыпался в слезах. Говорил, что в комнате кто-то есть.

Она замолчала, делая усилие, чтобы продолжить.

— Потом он стал говорить... странные вещи. То на непонятном языке, гортанном, противном. То... то знал о нас с мужем то, чего знать не мог. Личное. Ссоры наши, о которых он не слышал... мысли, может быть. Как-то раз посмотрел на меня и сказал: «Она все еще злится на тебя за того ребенка». А я... год назад был выкидыш. Никто, даже Алексей, не знал, как я это переживала.

Антоний молча кивнул, давая ей возможность собраться с мыслями. Подобные истории он слышал и раньше, во время учебы. Отец Василий предупреждал: «Помни, Антоний, девяносто процентов таких случаев — болезнь души или разума. Наша задача — отсеять их. Дьявол — обезьяна Бога, он любит подражать, но его подделка всегда ущербна. Ищи трещины в реальности».

— А потом пошли эти... явления, — прошептала Ольга, и голос ее стал совсем тихим. — Вещи в его комнате стали перемещаться сами по себе. Слышны шаги, когда никого нет. Температура падает до невозможного. Холод, ледяной холод идет от его комнаты. А запах... вы чувствуете? Этот запах тления.

Антоний почувствовал. Теперь он осознал этот запах — не прокисшее молоко, а сладковато-приторный запах гниющей плоти, едва уловимый, но невыносимо отталкивающий.

— Можно я увижу Мишу? — спросил он.

Ольга кивнула и поднялась с дивана. Ее движения были скованными, будто она вела его в камеру пыток. Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж. Длинный коридор утопал в полумраке. В его конце была дверь. Дубовая, массивная, с тяжелой железной ручкой.

И тут Антоний ощутил это в полную силу. Холод. Он исходил именно от той двери, струился по коридору, заставляя кожу покрываться мурашками. Воздух стал гуще, дышать было труднее. Тишина в доме была неестественной, гнетущей, будто все живое затаилось в ожидании.

Ольга остановилась в нескольких шагах от двери.

— Он... он не всегда узнает меня, — проговорила она, и в ее голосе послышалась паника. — Иногда смотрит такими глазами... чужими, старыми. И говорит таким голосом... низким, хриплым.

— Я буду осторожен, — постарался успокоить ее Антоний. — Подождите здесь.

Он подошел к двери один. Пол под ногами был ледяным. Он приложил ладонь к дереву — оно было холодным, как могильная плита. Сделав глубокий вдох, он взялся за ручку и нажал.

Дверь со скрипом отворилась.

Комната была погружена в полумрак. Шторы на единственном окне были плотно задернуты. Воздух был спертым и ледяным, тот самый запах тления здесь был гораздо сильнее. Сначала Антоний увидел лишь очертания мебели: кровать, письменный стол, шкаф. Потом его взгляд привык к темноте, и он разглядел фигуру, сидящую на кровати, спиной к нему.

Мальчик. Худой, в простой пижаме. Он сидел абсолютно неподвижно, уставившись в стену.

— Миша? — тихо позвал Антоний, переступая порог. — Миша, меня зовут Антоний. Я пришел поговорить с тобой.

Он сделал шаг вперед. Скрипнула половица.

Фигура на кровати резко дернулась. Медленно, с нечеловеческой, механической плавностью, мальчик начал поворачивать голову. Шея издала тихий хруст. И вот он смотрел на Антония.

Антоний замер.

Это было лицо ребенка, но выражение на нем... оно было чужим. Искажённым в маске холодной, расчетливой ненависти. Глаза, обычно, наверное, ясные и детские, теперь были темными, почти черными, бездонными, словно две пустые проруби во льду. В них не было ни капли души.

— Уходи, поп, — прошипел мальчик. Но голос был не его. Это был низкий, хриплый, пропитанный ядом голос взрослого мужчины. Голос, исходивший из детского горла, звучал чудовищно, противоестественно.

Антоний почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Он силой воли подавил в себе вспышку страха. Это была классическая черта одержимости — изменение голоса, сила, не свойственная ребенку.

— Я здесь, чтобы помочь тебе, Миша, — сказал он твердо, делая еще шаг.

— Помочь? — существо усмехнулось. Улыбка, искажившая детские губы, была безрадостной и злобной. — Ты не можешь помочь даже себе. Я вижу тебя, маленький человек. Я вижу пустоту в тебе. Твои сомнения. Твой страх. Ты пришел сюда, потому что боишься остаться один в своем тихом домике с призраками. Ты ищешь подтверждения своей вере. Не найдешь.

Слова били точно в цель. Антоний ощутил их как физический удар. Оно знало. Звало его слабые места.

— Именем Господа нашего Иисуса Христа, я приказываю тебе, дух нечистый, молчать! — повысил голос Антоний, *instinctively* вздевая руку в жесте благословения.

В комнате что-то изменилось. Воздух затрепетал. Лампа на потолке, не включенная, слабо дрогнула, заставляя тени на стенах заплескаться.

Мальчик на кровати засмеялся. Тихий, булькающий смех, полный презрения.

— Его имя? Здесь, в этой комнате, Его имя — пыль.

Внезапно письменный стол в углу комнаты с оглушительным грохотом перевернулся. Книги, тетради, карандаши разлетелись по полу. Антоний отшатнулся, сердце заколотилось в груди.

— Выйди вон! — крикнул он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Языком твоим будешь говорить, и скажешь мне имя свое!

Существо в ребенке наклонило голову. Черные глаза сверкнули алым отблеском, которого не могло быть в этой темноте.

— Имен? У меня их много. Но тебе я дам одно. Легион. Ибо нас много.

И в тот же миг вся комната взорвалась хаосом. Шкаф содрогнулся и повалился на пол, едва не придавив Антония. Со стен посыпались картины, стекла треснули. Кровать затряслась, подпрыгивая на месте, будто на ней не лежал хрупкий ребенок, а бушевало невидимое чудо-

вище. С потолка посыпалась штукатурка. Воздух наполнился ревом, свистом, скрежетом — какофонией звуков, не имевших земного происхождения.

Антоний отступал к двери, прикрываясь руками. Он видел, как тело мальчика выгибается неестественной дугой, кости хрустят, из горла вырывается нечеловеческий рык. По стенам, как будто по мокрому асфальту, поползли густые черные тени, складываясь в кошмарные, богохульные символы.

— Выйди вон, дух нечистый! Силою Креста Господня... — он пытался кричать, но его голос тонул в этом адском грохоте.

Внезапно все стихло. Так же резко, как и началось. Комната замерла в разрушении. Пыль медленно оседала в луче света, пробившемся сквозь щель в шторах. Мальчик лежал на кровати, бездвижный, его грудь равномерно вздымалась. Казалось, он спал.

Тишина была оглушительной.

Антоний стоял, опираясь о косяк двери, его колени подкашивались. Он тяжело дышал, во рту пересохло. Это было не просто явление. Это была демонстрация силы. Целенаправленная, жестокая демонстрация.

Он услышал за спиной сдавленный стон. Ольга стояла в коридоре, прижав руки ко рту, ее лицо было искажено ужасом.

— Батюшка... — простонала она.

Антоний вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь. Его руки дрожали.

— Вам... вам нужно уехать, — сказала Ольга, плача. — Это слишком опасно. Оно убьет вас.

Антоний посмотрел на запертую дверь, потом на обезумевшую от страха мать. Он вспомнил слова существа: «Ты ищешь подтверждения своей вере». И он нашел его. Нашел в этой вспышке чистейшего, неоспоримого зла. Его собственная пустота, его сомнения вдруг показали мелкими и ничтожными перед лицом этой тьмы. И в этой тьме, как ни парадоксально, вспыхнул крошечный огонек. Огонек веры. Не слепой, не заученной, а выстраданной, обожженной этим ужасом.

— Нет, Ольга, — сказал он, и его голос впервые за долгое время прозвучал твердо и ясно. — Теперь я не могу уйти. Я должен остаться.

Вернувшись в гостиную, Антоний чувствовал себя так, будто прошел через несколько часов тяжелого физического труда. Каждая мышца ныла, в висках стучало. Ольга, все еще плача, налила ему крепкого чая. Руки у нее тряслись так, что ложка звякала о блюдец.

— Это... это часто бывает? — спросил Антоний, сжимая теплую кружку, пытаясь прогнать внутреннюю дрожь.

— Раньше реже. Теперь... почти каждый день. Иногда по два-три раза. Становится все сильнее. — Она смотрела на него с мольбой. — Батюшка, что это? Что вселилось в моего мальчика?

— Я не могу сказать точно, пока не проведу полный обряд, — ответил Антоний осторожно. Он не стал говорить ей, что сила, проявленная в детской, была пугающе огромной. «Легион». Это имя редко встречалось в протоколах, и почти всегда его появление влекло за собой трагедию. — Но вам с мужем нужно быть готовыми. Это будет долгая и тяжелая борьба.

— Алексей не поверит, — прошептала она. — Он скажет, что вы... что вы все это устроили.

Как будто в ответ на ее слова, на улице послышался звук подъезжающей машины, хлопок двери. Через мгновение в гостиную вошел мужчина. Высокий, подтянутый, в дорогом деловом костюме, с лицом, на котором застыло выражение скептической усталости. Алексей Зайцев.

Он остановился у входа, его взгляд скользнул по плачущей жене, затем перешел на Антония, оценивая его простую сутану, бледное лицо.

— Вы, видимо, тот самый экзорцист, — произнес он без приветствия. Голос был ровным, холодным. — Ольга, я просил тебя не делать ничего, пока не придет профессор Иволгин из института. Он специалист по детским психозам.

— Алексей, ты не видел, что только что было! — вскрикнула Ольга. — В комнате Миши... все летало! Он говорил этим голосом!

— Я видел последствия твоего «сеанса» на втором этаже, — Алексей кивнул в сторону лестницы. — Дверь в детскую вся в царапинах, из-под нее сыпется штукатурка. Очень эффектно. — Он снова посмотрел на Антония. — И что вы там делали? Гипноз? Внушение? Газовые горелки и лески для спецэффектов?

Антоний медленно поднялся. Он был утомлен, но спокоен.

— Я не использовал ничего, кроме молитвы, Алексей.

— Молитвы, — Зайцев усмехнулся, но в его глазах не было веселья. — И этого достаточно, чтобы устроить такой погром? Моему сыну нужна помощь, а не средневековые ритуалы. Вы только пугаете его и усугубляете состояние.

— То, что происходит с вашим сыном, не является болезнью в обычном понимании, — сказал Антоний. — Врачи бессильны здесь.

— Потому что вы не дали им шанса! — голос Зайцева зазвенел сталью. — Вы, религиозные фанатики, всегда ищете дьявола там, где нужно искать шизофрению или эпилепсию! Я запрещаю вам приближаться к моему сыну. Сейчас же покиньте мой дом.

— Алексей, нет! — взмолилась Ольга.

— Молчи, Ольга! Я устал от этой истерии!

Антоний наблюдал за ними. Он видел страх Ольги и слепое, упрямое неверие Алексея. Эта рознь, этот разлад в семье был идеальной почвой для нечисти. Зло питалось этим страхом и отрицанием.

— Алексей, — сказал он тихо, но так, что его было прекрасно слышно. — Вы не верите мне. Хорошо. Но ответьте на один вопрос. Откуда ваш сын, одиннадцатилетний мальчик, мог узнать о выкидыше вашей жены? О той ссоре, что была у вас на прошлой неделе в кабинете, когда вы обсуждали возможный развод? О том, что вы боитесь разорения, хотя тщательно скрываете это ото всех?

Лицо Зайцева побелело. Он отступил на шаг, будто от удара. Его уверенность дала трещину.

— Ольга... ты ему рассказала? — прошипел он.

— Нет! Клянусь, нет! — испуганно покачала головой женщина.

Антоний подошел к нему ближе.

— То, что в вашем сыне, питается вашими тайнами, вашими страхами. Оно знает о вас все. И оно будет использовать это, чтобы разъединить вас, уничтожить вашу семью, забрать душу вашего ребенка. Вы можете выгнать меня. Но оно останется.

Он повернулся и направился к прихожей, чтобы надеть пальто. Он давил на слабое место, и это было жестоко, но necessary. Без согласия и веры хотя бы одного из родителей экзорцизм был бы невозможен.

— Подождите, — глухо произнес Зайцев.

Антоний остановился.

Алексей смотрел в пол, его плечи ссутулились. Борьба между рациональным умом и тем, что он только что услышал, была написана на его лице.

— То, что вы сказали... Миша не мог этого знать, — наконец выдохнул он. — Никто не мог.

Он поднял голову, и в его глазах был уже не гнев, а растерянность и тот самый, животный ужас, что Антоний видел у Ольги.

— Что... что нам делать?

— Вам нужно будет помочь мне, — сказал Антоний. — Обоим. Это не мое личное дело. Это битва за вашего сына. И она потребует от вас веры. Даже если эта вера будет размером с горчичное зерно.

Ольга подошла к мужу и взяла его за руку. Алексей не отстранился.

— Хорошо, — прошептал он. — Мы сделаем все, что скажете.

Антоний решил не возвращаться в город. Ольга предложила ему комнату на первом этаже, рядом с кабинетом Алексея. Комната была скромной, с кроватью, столом и стулом. Этого было достаточно.

Оставшись один, он почувствовал, как на него накатывает волна истощения. Он достал из сумки потрепанный кожаный футляр. В нем лежали его рабочие инструменты: напрестольный крест, сосуд со святой водой, молитвенник, освященное масло. И толстая, в кожаном переплете тетрадь — его дневник, куда он записывал все случаи, с которыми сталкивался, все заметки и наставления отца Василия.

Он открыл дневник на чистой странице и начал писать, выводя буквы твердым, но усталым почерком.

«Случай семьи Зайцевых. Первый контакт. Симптомы: классические, высшей степени интенсивности. Изменение голоса, физическая сила, левитация предметов, телекинез, знание сокровенного (кларвосвидение), богохульство, резкое падение температуры в эпицентре, запах тления. Существо идентифицировало себя как „Легион“. Проявило исключительную мощь и... осведомленность обо мне. Лично атаковало мои слабости. Это не рядовой случай. Это что-то большее. Ощущение... будто эта атака была лишь пробой сил, первым выпадом. Чувствую, что связь с сущностью установлена, и она теперь знает меня не менее, чем я ее. Присутствие в доме тяжелое, давящее. Родители напуганы, но согласны на сотрудничество. Отец изначально был настроен скептически, но факты заставили его усомниться. Начинаю подготовку к длительному противостоянию».

Он отложил ручку и закрыл глаза. В памяти всплыло лицо отца Василия — доброе, морщинистое, с мудрыми глазами. «Страх — это нормально, Антоний, — говорил он. — Грех — позволить ему управлять тобой. Помни, ты — лишь орудие. Сила — в Нем. Твоя задача — быть чистым проводником».

«Будь я чистым проводником, отец, — мысленно ответил ему Антоний. — Помоги мне. Я чувствую, что эта битва будет самой тяжелой в моей жизни».

Он достал крест и снова начал молиться. Тихо, сосредоточенно, вкладывая в каждое слово всю свою уставшую, но окрепшую веру. Он молился о strength, о guidance, о защите для этой семьи. И для себя.

Снаружи по-прежнему шел дождь. Стучал по крыше, по подоконнику. Но сквозь этот стук ему почудился другой — тихий, едва уловимый скрежет, будто кто-то царапает длинным ногтем по дереву изнутри. Он замер, прислушиваясь. Звук доносился сверху. Из второго этажа.

Царапины были медленными, размеренными. Они не были случайными. Они выводили некий узор. Антоний встал и приложил ухо к холодной стене. Звук стал чуть отчетливее. Это не было его воображением.

Он закрыл глаза, пытаясь абстрагироваться от страха, и просто слушал. Его разум, настроенный на тонкие вибрации зла, начал улавливать слабый, нитевидный мысленный образ. Он увидел дверь в детскую. И на ее внутренней стороне, на темном дереве, длинные, тонкие пальцы с черными ногтями медленно, с наслаждением, выводили символ. Древний, извращенный символ, означавший на языке тьмы одно: «Мой».

Антоний отшатнулся от стены, сердце бешено заколотилось. Это был не просто акт вандализма. Это было послание. Личное послание ему.

Оно знало, что он здесь. Оно знало, что он молится. И оно отвечало.

Война была объявлена.

Ночь опустилась на усадьбу, черная и беспросветная. Дождь наконец стих, сменившись ледяным ветром, который завывал в щелях старых рам и гудел в дымоходах. Антоний не мог уснуть. Он лежал на кровати одетый, прислушиваясь к звукам дома.

Дом жил своей, отдельной от жильцов жизнью. Скрипели половицы наверху, будто кто-то тяжелый и невидимый расхаживал по коридору. В стенах что-то постукивало — ритмично, настойчиво. Иногда доносился приглушенный шепот, словно множество голосов переговаривается за стеной. Антоний знал, что большая часть этого могла быть игрой воображения, наложенной на естественные звуки старого здания. Но та часть его, что уже ощутила присутствие нечисти, знала — не все было воображением.

Он встал и вышел в коридор. В доме было темно и тихо. Только маятник старых напольных часов в гостиной мерно отсчитывал секунды. Тик-так. Тик-так. Звук был громким, металлическим, он резал слух в этой гнетущей тишине.

Антоний подошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Он смотрел вверх, в черноту коридора. Холод, исходивший оттуда, был ощутим даже на расстоянии.

«Иди, — шепнул ему внутренний голос, голос, похожий на тот, что исходил из уст ребенка. — Иди, посмотри. Убедись».

Он сделал шаг по лестнице. Дерево скрипнуло под его ногой. Он поднялся еще на несколько ступеней. Воздух становился все холоднее. Запах тления, едва уловимый днем, теперь висел плотной пеленой.

Он стоял теперь в верхнем коридоре. Дверь в комнату Миши была в двадцати шагах от него. Она казалась черным прямоугольником в серой мгле.

И тут он увидел. Из-под двери в детскую сочился свет. Не яркий, электрический, а тусклый, зеленоватый, фосфоресцирующий, словно свет гнилушек. Он пульсировал, как будто в такт невидимому сердцу.

Антоний замер, затаив дыхание. Он чувствовал, как по спине ползут мурашки. Это был неестественный свет, свет из иного мира.

Он медленно, стараясь не издавать ни звука, двинулся вперед. Его ноги были ватными, каждый шаг давался с огромным усилием. Пульсирующий зеленый свет манил и одновременно отталкивал.

Он был уже в пяти шагах от двери, когда свет внезапно погас. Коридор погрузился в абсолютную темноту. Тишина стала абсолютной. Даже тиканье часов внизу прекратилось.

Антоний остановился, прислушиваясь. Он слышал только бешеный стук собственного сердца.

И тогда из-за двери донесся голос. Тихий, слабый, детский.

— Помоги мне...

Это был голос Миши. Настоящий, испуганный, полный слез.

— Он здесь... со мной... Мне страшно... Помоги...

Сердце Антония сжалось. Часть его, человеческая, сострадательная, рванулась вперед, к двери. Но та часть, что была экзорцистом, напряглась. Это была уловка. Классическая, примитивная, но оттого не менее действенная уловка. Приманка.

— Выйди вон, дух лживый! — прошептал он, сжимая в кармане крест.

Голос за дверью изменился. Детская наивность исчезла, сменившись знакомым, хриплым шепотом, полным ненависти.

— Он мой. Ты опоздал, поп. Его душа уже пережевана и готова к поглощению. А твоя... твоя будет десертом.

Внезапно дверь перед ним содрогнулась, будто по ней ударили изнутри чем-то тяжелым. Раз. Два. Треск дерева.

Антоний отступил. Он понимал, что вступать в прямой конфликт ночью, один на один, без подготовки — самоубийство.

— До завтра, нечисть, — сказал он твердо. — Завтра мы начнем.

Он развернулся и пошел обратно по коридору, чувствуя на спине тяжелый, ненавидящий взгляд, будто просверливающий его насквозь. Он не оборачивался. Он спустился вниз, в свою комнату, запер дверь и прислонился к ней спиной, тяжело дыша.

Битва только начиналась. И первая ночная схема была проиграна. Существо показало ему, что контролирует не только тело мальчика, но и сам дом. И что оно готово играть грязно, используя самое больное — жалость к невинной жертве.

Антоний посмотрел в темное окно. В отражении он видел свое бледное, изможденное лицо. А позади, в глубине стекла, на мгновение мелькнуло и пропало другое лицо — искаженное в злобной гримасе, с горящими алым светом глазами.

Оно было уже здесь. Рядом.

Глава вторая: Перед ликом бездны

Рассвет не принес света. Он принес лишь новый оттенок тьмы — серый, водянистый, безнадежный. Ночной ливень сменился мелкой, почти невидимой изморосью, затянувшей мир грязной кисеей. Отец Антоний проснулся от собственного стука сердца — тяжелого, отдававшегося в висках глухими ударами. Он не сразу осознал, где находится. Потолок был чужим, низким, давящим. Память вернулась к нему вместе с ледяным комом в груди — комом страха и ответственности.

Он поднялся с кровати, его тело ныло, словно после избиения. Несколько часов урывчатого, тревожного сна не принесли отдыха. Он подошел к окну. За стеклом, в сером предрасветном мраке, стоял старый ельник, его мокрые ветви тянулись к дому, как черные костлявые пальцы. Весь мир казался вымершим, застывшим в ожидании чего-то неотвратимого.

Он умылся ледяной водой, пытаясь смыть с себя остатки ночных кошмаров. Вода обожгла кожу, но не смогла прогнать внутренний холод, тот, что шел из комнаты на втором этаже. Он достал свой молитвенник и крест. Металл распятия был холодным и шершавым на ощупь. Антоний приложился к нему губами, закрыл глаза и начал читать утреннее правило. Слова были знакомыми, выученными наизусть еще в семинарии, но сегодня они казались чужими, пустыми. Он заставлял себя вкладывать в них смысл, прося не о победе — он не смел просить о таком, — а о силе, о стойкости, о том, чтобы быть достойным орудием в руках Господа.

«Не попусти мне сломаться, Отче. Не дай мне усомниться. Укрепи мою веру, ибо предстоит войти во тьму, и я страшусь».

После молитвы он вышел в коридор. В доме царила звенящая тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем часов из гостиной. Он направился на кухню, где застал Ольгу. Она стояла у раковины, смотря в окно на мокрый сад. В руках она сжимала кружку, но, судя по всему, чай в ней давно остыл. Она вздрогнула, когда он вошел, и обернулась. Ее лицо было маской истощения — серое, осунувшееся, с запавшими глазами, в которых читалась бесконечная усталость.

— Батюшка, — прошептала она. — Вы не спали?

— Немного, — уклончиво ответил он. — А вы?

Она лишь безнадежно махнула рукой. Ответ был очевиден.

— Миша? — спросил Антоний.

— Тихий. Слишком тихий. После... после вчерашнего он словно обессилел. Но это не здоровый сон. Это... оцепенение.

Алексей вошел на кухню. Он был брит, одет в чистую рубашку, но это не могло скрыть его состояния. Он двигался медленно, будто против невидимой силы тяжести, а его взгляд был расфокусированным, устремленным куда-то внутрь себя. Ночное послание, царапающее дверь, и последующий разговор с женой явно не прошли для него даром.

— Отец Антоний, — кивнул он, его голос был хриплым. — Я отменил все встречи. Будем делать то, что необходимо.

За завтраком, который опять никто не ел, Антоний изложил им свой план на день.

— Прежде чем приступать к основному обряду, мне нужно подготовить дом и вас самих. Сегодня я проведу очищение — комнату за комнатой. Это создаст некий защитный барьер, ослабит влияние сущности. А затем... затем мне снова придется войти к Мише. Одному.

— Нет! — вырвалось у Ольги. — Это слишком опасно! Вчера... вчера вы чуть не...

— Это необходимо, Ольга, — мягко, но твердо прервал ее Антоний. — Я должен лучше понять, с чем мы имеем дело. Узнать его слабости, его имя. Без этого обряд будет подобен стрельбе в темноте.

— И как вы будете это делать? — спросил Алексей, отодвигая тарелку с нетронутым омлетом.

— Через диалог, — ответил Антоний. — Через вопросы и приказы, данные властью, которой я облечен. Это называется «испытанием духа». Я буду задавать вопросы, а вы... вы должны наблюдать. Но помните: все, что вы услышите, — это ложь, предназначенная ранить вас. Не поддавайтесь.

После завтрака Антоний отправился в свою комнату за инструментами. Он вернулся с напрестольным крестом, сосудом со святой водой и молитвенником. Он начал с прихожей.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, — его голос, обычно тихий, прозвучал властно и четко, разрезая гнетущую тишину дома.

Он читал псалмы, молитвы на изгнание нечистой силы, окроплял стены, углы, дверные косяки святой водой. Вода, попадая на дерево и камень, казалось, слегка шипела, и на мгновение в воздухе возникал едва уловимый запах озона, вытесняя сладковатый дух тления. Ольга и Алексей следовали за ним, держась за руки, как двое испуганных детей. Антоний чувствовал, как атмосфера в комнатах понемногу меняется. Тяжесть отступала, уступая место легкому, почти неосозанному чувству покоя. Это была иллюзия, временная передышка, но она была так необходима.

Они двинулись в гостиную, затем в столовую, в кабинет Алексея. В каждой комнате Антоний проводил один и тот же ритуал, запечатывая пространство молитвой и святой водой. Он чувствовал, как его собственная вера, подкреплённая действием, крепнет, наполняя его силой. Страх отступал, превращаясь в собранную, холодную решимость.

Наконец, они подошли к лестнице, ведущей на второй этаж. И здесь Антоний ощутил сопротивление. Воздух на лестнице был гуще, холоднее. Святая вода, попав на ступени, шипела громче, и казалось, что из глубины дерева на мгновение выползли черные, жидкие тени, тут же растворяясь.

— Он не хочет отпускать свою территорию, — тихо сказал Антоний. — Но здесь его власть заканчивается.

Они поднялись наверх. Коридор, несмотря на утро, был погружен в полумрак. Антоний начал очищение с дальней комнаты — пустой гостевой. Затем двинулся вдоль коридора, окропляя стены и читая молитвы. С каждым его шагом по направлению к комнате Миши холод усиливался. Воздух становился ледяным, дыхание превращалось в пар.

Наконец, он остановился перед зловещей дубовой дверью. Он поднял крест.

— «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...»

В тот же миг дверь содрогнулась изнутри, словно по ней ударили кувалдой. Глухой, мощный удар прокатился по всему коридору. Ольга вскрикнула и вжалась в мужа.

Антоний не дрогнул. Он продолжил молитву, возвысив голос.

— «...и да бежат от Лица Его ненавидящие Его!»

Второй удар, еще сильнее. Дверь затрещала, железная ручка заходила ходуном. Из-под двери выползла струйка черного, вязкого дыма, пахнущего серой и гнилью.

— Выйди вон, дух нечистый! — крикнул Антоний, совершая крестное знамение перед дверью. — Месту сему быть очищену и освящену!

Дым рассеялся с тихим свистом. Удары прекратились. В наступившей тишине было слышно лишь тяжелое дыхание Антония и сдавленные рыдания Ольги. Дверь стояла неподвижно, но Антоний чувствовал — за ней теперь собралась вся ярость ада, вся концентрация зла, вытесненная из остального дома.

Он окропил дверь последними каплями воды из сосуда.

— Первая часть сделана, — обернулся он к родителям. Его лицо было бледным, но спокойным. — Теперь дом под защитой. Но его цитадель — вот здесь.

Он указал на дверь.

— Теперь мне нужно войти.

Они спустились в гостиную. Антоний понимал, что не может сразу, после такого напряжения, идти на прямой контакт. Ему и родителям нужна была передышка. Он попросил Ольгу приготовить чай, а сам сел в кресло, чувствуем, как дрожь отступает из его рук.

— Вы должны быть готовы к тому, что сейчас произойдет, — сказал он, глядя на Алексея и Ольгу. — То, что говорит эта сущность... она будет бить по самому больному. По вашим страхам, вашим сомнениям, вашим тайнам. Она попытается расколоть нас. Ваша задача — не поддаваться. Помните, это не ваш сын. Это паразит, который носит его лицо.

— А если... если он скажет правду? — тихо спросила Ольга, не глядя на мужа.

— Правда, сказанная с целью причинить боль, перестает быть правдой, — строго ответил Антоний. — Она становится оружием. И вы не должны позволять этому оружию ранить вас.

Алексей мрачно смотрел в пол.

— Я постараюсь, — пробормотал он.

Через полчаса Антоний поднялся. Он чувствовал в себе достаточно сил. Он взял крест, небольшой склянку с освященным маслом и молитвенник.

— Я буду вести диалог. Вы стойте у порога. Не входите, что бы ни случилось. Ваше присутствие будет поддержкой для меня и... раздражителем для него.

Они снова поднялись по лестнице. Холод в коридоре никуда не делся, но теперь он был сконцентрирован только вокруг двери в детскую. Антоний остановился перед ней, перекрестился и, не дав себе времени на раздумья, резко толкнул дверь.

Комната была такой же, как вчера — разрушенной, заваленной обломками мебели и штукатурки. Миша сидел на краю кровати, спиной к ним. Он был неподвижен.

— Миша? — позвал Антоний, входя внутрь.

Фигура на кровати дернулась. Поворот головы был таким же медленным, неестественным, с тихим хрустом позвонков. И снова Антоний увидел это лицо — искаженное маской холодной, старческой злобы. Черные глаза уставились на него без всякого выражения.

— О, вернулся, — прошипел знакомый хриплый голос. — Привел своих щенков? Чтобы они видели, как их пастырь будет унижен?

— Я пришел не один, — твердо сказал Антоний. — С нами Бог. И силою Его я приказываю тебе, дух нечистый, отвечать на мои вопросы.

Существо усмехнулось. Его губы растянулись в безрадостной улыбке.

— Вопросы? Хорошо. Я люблю игры. Начинай, поп.

Антоний сделал шаг вперед, поднимая крест.

— Как имя твое? Назови истинное имя, данное тебе при падении!

Глаза существа сверкнули алым.

— Имен? Я дал тебе одно. Легион. Но если хочешь другое... зови меня Тот-Кто-Знает. Я знаю страх в сердце твоём. Знаю пустоту в душе твоей. Знаю, как ты кричал в ночи, когда умер твой старик. Знаю, как ты сомневаешься в своём Боге.

Слова, как раскаленные иглы, вонзились в сознание Антония. Он силой воли отбросил их.

— Молчи! Я требую ответа! Какою властью и каким именем ты вошел в отрока сего?

— Властью страха, поп! — голос загремел, заставляя дребезжать осколки стекла на полу. — Именем одиночества! Именем родительского равнодушия! Он звал нас! Его тихие слезы в подушку были для нас приглашением! Его страх темноты был для нас дверью!

— Это ложь! — крикнула Ольга с порога. — Миша никогда бы не позвал такое!

Существо медленно повернуло к ней голову. Его взгляд стал пристальным, ядовитым.

— А ты уверена, мамочка? Уверена ли ты? Помнишь ли ты ночь, когда он плакал, а ты не подошла, потому что ссорилась с своим ничтожным муженьком о деньгах? Помнишь, как он звал тебя, а ты кричала ему: «Замолчи, я устала!»? Его одиночество было таким сладким...

таким сочным... Мы пришли на его зов. Мы пришли забрать его боль. И мы взяли его себе. Навсегда.

Ольга вскрикнула и закрыла лицо руками. Алексей обнял ее, но его собственное лицо исказилось от боли и гнева.

— Не слушай его, Оля! Он лжет!

— Лгу? — существо засмеялось. — А ты, папочка? Ты ведь тоже слышал его плач. Но ты предпочел заткнуть уши и уйти в свою работу. Потому что тебе было проще, да? Проще не видеть, не слышать. Ты ненавидел эти ночные крики. Ты ненавидел свою жизнь. Ты ненавидел их обоих за то, что они приковали тебя к этому дому, к этой рутине!

Алексей побледнел. Его губы задрожали.

— Это... это неправда...

— Правда! — проревело существо, и его голос на мгновение стал оглушительным, многоголосым, словно кричали сотни глоток. — Я вижу твою душу, человечиска! Она серая, унылая, полная злобы и сожалений! Ты мечтал о свободе! Ну так мы дадим тебе свободу! Мы освободим тебя от них! Навсегда!

Алексей отшатнулся, будто от удара. Он смотрел на Ольгу, и в его глазах читался ужас — не перед существом, а перед той правдой, что таилась в его собственной душе.

Антоний понял, что теряет контроль над ситуацией. Существо мастерски играло на их чувствах.

— Замолчи! — крикнул он, вкладывая в голос всю свою власть. — Именем Иисуса Христа, я приказываю тебе прекратить эту ложь!

Существо резко повернулось к нему. Его черные глаза сузились.

— Ты хочешь имени, поп? Хочешь знать, кто я? Я — тот, кто был до тебя. Я — тот, кто будет после. Я — тень на стене твоего сознания. Я — шепот в твоих молитвах. Ты ищешь Бога? Здесь, в этой комнате, есть только я. И я сильнее.

Внезапно тело Миши затряслось в конвульсиях. Оно поднялось в воздух, зависнув на метр над кроватью. Голова запрокинулась, изо рта потекла черная, смолистая жидкость. Комната наполнилась воем ветра, хотя окно было закрыто.

— Смотрите! — завопило существо многоголосым хором. — Смотрите на мощь мою! Я — князь тьмы! Я — повелитель этого места! Я — Абаддон! Аполлион! Велиар!

С каждым именем комната содрогалась. Стены изгибались, словно из картона, с потолка сыпалась штукатурка, тени на стенах плясали в безумной пляске, складываясь в кошмарные, богохульные лики.

Антоний, преодолевая ужас, поднял крест высоко над головой.

— Молчи, дух гордыни! Именем Господа Саваофа, пред Кем трепещут все силы ада, я заклинаю тебя, прекрати!

Он ринулся вперед, к парящему телу мальчика, и возложил крест ему на лоб.

Раздался оглушительный треск, словно лопнула струна гитары размером с небо. Тело Миши с силой швырнуло на кровать. Оно забилося в судорогах, из горла вырывались хрипы и проклятия на неизвестном языке.

Антоний, не отнимая креста ото лба ребенка, начал читать отходные молитвы, самые сильные, какие знал. Он чувствовал, как под его пальцами крест становится ледяным, почти обжигающим холодом. Черные глаза Миши выкатились, уставившись на него с такой ненавистью, что казалось, вот-вот испепелят.

— Я... запомню... тебя... поп... — прошипело существо, и его голос стал слабым, прерывивым. — Твоя... душа... будет... моей...

Конвульсии стихли. Тело обмякло. Черная жидкость перестала течь изо рта. Глаза закрылись. Миша лежал без сознания, его грудь слабо вздымалась.

Антоний отступил, его руки тряслись так, что он едва удержал крест. Он был покрыт холодным потом, сердце колотилось где-то в горле. Он обернулся к родителям. Ольга рыдала, прижавшись к груди мужа. Алексей обнимал ее, но его взгляд был пустым, устремленным в никуда.

— Выйдемте, — хрипло сказал Антоний.

Они вышли в коридор. Антоний закрыл дверь и прислонился к стене, пытаясь перевести дыхание.

— Вы... вы его победили? — спросила Ольга, всхлипывая.

Антоний покачал головой.

— Нет. Я лишь заставил его на время отступить. Он показал свою силу. И... свои имена. Абаддон, Аполлион, Велиар... Это имена могущественных демонов. Князей тьмы. Но он солгал. Он не они. Он прикрывается громкими именами, чтобы запугать нас.

— Но он сказал... он сказал, что Миша сам его позвал... — прошептала Ольга, и в ее голосе звучало непереносимое страдание.

Антоний взглянул на нее. Ее вера в себя как в мать была надломлена.

— Ольга, послушайте меня, — сказал он, и в его голосе не было ни капли снисхождения, только суровая правда. — Все дети боятся темноты. Все дети плачут по ночам. Все дети иногда чувствуют себя одинокими. Это не приглашение для демона. Это часть человеческого бытия. Он солгал. Он всегда лжет. Он взял обычные детские страхи и извратил их, чтобы мучить вас. Не позволяйте ему украсть у вас вашу любовь к сыну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.